

Сказка Анна Валенберг " Кожаный мешок "

На камне в глухом бору сидел Никлас, а рядом с ним стояла корзина, полная древесной коры. Он собрал ее, чтобы жена добавила ее к скудному запасу спорой ржаной муки, которую ему выплатили за поденную работу в господской усадьбе.

А иначе этой муки никак не хватило бы на все голодные рты в его лачуге! Однако же Никлас так устал и был в таком отчаянии, что не мог идти дальше, прежде чем немного не передохнет. И вот он сидел, думая о том, когда же придет конец великой нужде, что обрушилась и на него самого, и на его соседей. Засуха сожгла почти все посевы и всю траву, а в ту страну, где свирепствует засуха, всегда приходят следом голод и нужда. Тысячи людей и целые стада скотины умерли или пали с голоду, да и кто знает, скольким суждено пережить эту голодную зиму.

Вдруг он услышал скрежет лопаты, который бывает, когда она наталкивается на мелкие камешки. Сквозь кусты, возле которых он сидел, Никлас увидел старого тролля, вскапывающего землю под высокой сосной.

Троль работал не разгибая спины, пыхтел, но дело у него спорилось. Вскоре он, отбросив лопату, вытащил большой кожаной мешок и развязал его.

В тот же миг совсем рядом с троллем на краю ямы слегка приподнялся большой камень и показалась голова старой троллихи.

– Послушай–ка, муженек, – сказала она. – Ты не забыл, что тебе надо посеять шесть зернышек пшеницы вместо четырех. Муки–то мне для пирушки побольше надо!

– Хорошо, что напомнила об этом, – ответил, почесав голову, старик, – но я и сам бы не забыл об этом.

Старая троллиха исчезла, закрыв лаз вместо творила камнем. А Никлас подивился, какой же добрый урожай можно получить из шести зернышек пшеницы?

Однако старый троль отсчитал шесть пшеничных зернышек из кожаного мешка, завязал его и снова спрятал. Потом посадил по одному зернышку в каждом углу поля, а два – посередине да и уселся в траву с таким видом, словно чего–то ожидал.

Никлас тоже стал ждать вместе с ним: очень уж хотелось поглядеть, что из всего этого получится. И вскоре на его глазах случилось настоящее чудо. Там, где были посажены зернышки, проклюнулись зеленые стрелочки и тут же полезли из земли все новые и новые росточки. Они тянулись ввышину, покрывались колосьями, и внезапно перед Никласом раскинулось и заколыхалось целое пшеничное поле. Колосья набухали, желтели и стали под конец такими тяжелыми, что свисали до самой земли.

Тогда старый троль топнул оземь ногой и из–за каменных глыб и земляных куч выползла целая орава маленьких троллят. Они вырывали пшеницу с корнем, отряхивая тяжелые колосистые снопы в огромные мешки, которые притащили с собой. И посыпались из колосьев спелые, золотистые зерна. Когда мешки наполнились доверху, троллята взвалили их себе на спины и исчезли вместе со старым троллем. Исчезли словно дым среди кочек и горных расселин.

– Вот это урожай так урожай! – сказал самому себе. Никлас и отправился в поле – поглядеть, не достанутся ли ему какие–нибудь брошенные колоски.

Но троллята, верно, поработали на славу – в поле не осталось ни единого зернышка. Землю устилала одна лишь сухая, смятая солома.

"Пойду–ка я лучше к той сосне да возьму мешок. Такой урожай мне по душе пришелся", – подумал Никлас.

Но освободив корни сосны от мха и земли, Никлас не обнаружил ни малейших следов мешка, и сколько он ни разрывал землю руками и острым камнем, ему так ничего и не удалось найти. А время шло, близился полдень.

Пора было идти на поденщину. В конце концов Никлас взял корзинку и отправился с ней домой. А поиски клада решил отложить до следующего дня. Утром, едва рассвело, он снова отправился в лес, взяв с собой лопату.

Но когда он подошел к тому месту, где вчера было поле, оно уже исчезло, а хуже всего то, что он не мог узнать сосну, под которой лежал кожаный мешок. Никлас стал в надежде копать то под одной, то под другой сосной, но все напрасно. Он так упрямо копал, что не замечал времени и опоздал на поденщину. Староста отругал его и урезал долю ржаной муки, которая причиталась ему в уплату за труды. Но это его ничуть не остановило. На другой день он уже снова был в лесу, снова опоздал на поденщину, и снова у него урезали долю муки. Жена плакала, ругала его, что он слоняется по округе, словно бродяга с проселочной дороги, и сетовала, что Никлас заставляет ее и детей голодать. Ни словом не выдал Никлас, чем он занимается, потому что знал: тот, кто ищет клад, если хочет найти его, не должен об этом говорить.

Однажды утром, когда он, как обычно, рыл землю, увидел его случайно какой–то старый торпарь и давай над ним насмехаться.

– Так, так, любезный мой Никлас, ты хочешь найти клад, – уязвил его старик. – Однако днем тебе это не удастся. Человеческим рукам никогда, кроме как ночью, не добраться до троллевых сокровищ.

– Ах так, – сказал Никлас и бросил лопату, потому как знал, что старый торпарь сведущ во всех тайных, скрытых от людей делах. – Тогда попытаю–ка я счастья ночью.

Но старик только засмеялся ему в ответ.

– Не велика от этого польза. Не велика польза, – повторил он. – Если кто и найдет клад, он не сможет вытащить его наверх, прежде чем взойдет солнце. За это же время тролли так запугают, что не захочешь и клада, а выпустишь сокровище из рук или же вымолвишь какое ни на есть словечко, а сокровище раз! – и исчезло. И оглянуться не успеешь! Тролли–то знают немало волшебных заклятий. Они нашьют на того, кто ищет клад, шипящих змей и прожорливых волков, так что хоть бы ноги унести. Ищи, любезный Никлас, ищи клад, коли тебе это по душе. Только боюсь, ничего тебе не найти.

С этими словами заковылял старый торпарь дальше, рассказывая всем и каждому, кто только хотел его слушать, о том, что Никлас ищет клад в лесу.

Вся округа смеялась над Никласом. А жена его лила слезы и бранила мужа за все его глупости. И он и вправду перестал ходить в лес по утрам. Однако же вместо этого стал ходить туда по ночам, когда все другие спали. Поутру же возвращался он такой сонный и усталый, что не в силах был справлять поденную работу и получал муки еще меньше обычного. В лачугу его пришла настоящая нужда, да и сам он голодал, отошал, кожа да кости стал.

И все–таки продолжал искать клад, потому что найди Никлас клад – и он стал бы счастьем и спасением не только для самого Никласа, жены и детей, но и для всей страны.

Однажды ночью, только Никлас подошел к камню, на котором в первый раз сидел, подсматривая за старым троллем, взошел месяц. И тут вдруг будто пелена спала с глаз бедняка, он тотчас узнал сосну, под которой старый троль спрятал кожаный мешок.

Несколько ударов лопатой – убраны слой земли и камни, и вот уже виднеется что–то круглое, толстое и гладкое.

Мешок! Ведь это кожаный мешок!

Никлас отчетливо видел его при свете месяца. И, дрожа от радости, начал окапывать мешок, чтобы легче было приподнять его. Потом он нагнулся, обхватил обеими руками мешок, приподнял его и стал тащить. Но не тут–то было, мешок прочно сидел в земле.

Казалось, будто кто–то крепко–крепко держит его снизу.

Никлас изо всех сил тянул мешок, дергал его и рвал. Но все напрасно. У того, кто ему противился, была такая хватка, словно вместо пальцев у него были железные клещи.

"Ладно, – подумал Никлас, встав на колени возле ямы, – видно, ничего больше не остается, как простоять здесь до самого раннего утра. Только бы не напали на меня чудовища".

Вглядываясь в кустарник, он прислушивался к малейшему шороху. Вскоре он и вправду услышал какой–то хруст и треск, и из кустов прямо на него выскочил страшный, мерзкий волк с разинутой пастью.

Никлас не на шутку испугался, он подумал: не все ли равно, умереть ли в пасти зверя или же медленной голодной смертью зимой. А раз так, то троллям, если они прячутся за деревьями и смотрят на него, не видать его страха.

И Никлас, не отрывая острых глаз от чудовища, еще крепче обхватил руками мешок.

Волк страшно скалил зубы и все шире разевал пасть, готовый вот–вот проглотить человека. Но внезапно он застыл на месте, словно наткнулся на острый взгляд Никласа, взгляд, подобный направленному на него оружию. И волк, повизгивая, пополз назад, а под конец исчез в зарослях кустарника.

Однако же вскоре послышалось шипение, и на ветвях дерева, прямо над головой, Никлас увидел извивающееся змеиное туловище, а беспощадные сверкающие глаза на плоской голове неотрывно разглядывали его. Никлас содрогнулся от ужаса, но и тут не выпустил мешок из рук; пристально и бесстрашно смотрел он в сверкающие глаза чудовища. И глаза змеи медленно угасали под его взглядом, а потом потухли, и Никлас не увидел больше ни глаз змеи, ни ее туловища.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Слава богу, – подумал Никлас, – теперь–то я знаю, как одолеть чудовищ, если еще кто–нибудь явится".

Но никто больше не появился. Зато вскоре Никлас услышал далеко–далеко какой–то человеческий голос. Казалось, кто–то кричит. И вскоре он ясно расслышал, что зовут его и что это голос их соседки.

– Никлас! Никлас! – кричала она. – Иди домой! Твоя жена умирает!

Никлас задрожал так, что чуть не выпустил мешок из рук. Его дорогая жена умирает и он, быть может, никогда больше ее не увидит!

Но если он выпустит мешок из рук и побежит домой, его дети, пожалуй, тоже умрут с голоду. Зато, если он удержит мешок, – и его дети, и тысячи других людей смогут жить счастливо.

И Никлас держал мешок, хотя сердце в груди разрывалось от горя.

Но тут до него снова донесся крик:

– Ау, отец! Ау! Ау!

Это старший сын Никласа кричал так, что эхо разносилось далеко вокруг в лесу.

А следом раздался третий голос, голос маленькой дочери Никласа – Гудрун:

– Батюшка, батюшка, где ты? Где ты, милый батюшка?

"Только бы они меня не нашли, – думал он. – Хоть бы месяц закатился, чтобы они меня не увидели".

Но месяцу нужно было еще долго плыть по небу, прежде чем он снова добрался бы до лесных верхушек. Все отчетливей и отчетливей слышались голоса, и тут Никлас увидел, как все трое звавших его мелькают между деревьями. Он как можно плотнее прижался к земле. Но у мальчика был соколиный взгляд, и он тотчас обнаружил отца.

– Вот он, вот он! – закричал сын.

И в тот же миг все трое – соседка, сын и дочь – уже стояли возле Никласа, рассказывая ему, как бедная умирающая лежит на смертном одре, тоскуя по мужу.

Но он не отвечал и только неотрывно смотрел на них.

– Только бы нам раздобыть матушке какой–нибудь сытной еды, может, она и оправилась бы, – говорил мальчик. – Если ты дашь мне свой кафтан; батюшка, я бы мог пойти к лавочнику и продать его.

Как ни хотелось Никласу отдать сыну свой кафтан, он все равно не мог бы этого сделать, потому что тогда ему пришлось бы выпустить из рук кожаный мешок. И он холодно покачал головой.

– Никласу его кафтан дороже жизни жены! – воскликнула соседка. – Всякому видно, что ему нет дела ни до жены, ни до детей. И не стыдно ему здесь прохлаждаться, когда в лачуге его полным–полно бед. А что это он держит в руках? Сдается мне, что это большущий камень!

Мальчик с девочкой тоже наклонились, чтобы взглянуть.

– Да это всего–навсего большая гранитная глыба! – сказал мальчик.

– Господи боже, он совсем ума решился! – вскричала соседка. – И хоть бы слово вымолвил! Тролли наверняка околдовали его! Надо спасти Никласа.

И она попыталась было оторвать его руки от кожаного мешка. И тут он так дико взглянул на нее, словно собирался укусить, и соседка вместе с Гудрун испуганно отпрянули назад.

– Придется привести людей, чтобы освободить его от троллей, хочет он того или нет, – сказала соседка. – Пойдемте, дети, да побыстрее.

И с этими словами она исчезла в кустах вместе с детьми.

Никлас так испугался, что крупные капли пота градом покатились по его лбу. Неужто теперь, когда он так близок к тому, чтобы овладеть сокровищем, они явятся и выхватят мешок у него из рук?

Спустя некоторое время он услышал шорох в кустах и задрожал от ужаса при мысли о том, что, быть может, кто–то идет, чтобы вырвать сокровище у него из рук. Но это была всего лишь Гудрун, которая вернулась обратно. При ясном свете месяца ее маленькое личико сияло красотой и нежностью. Подойдя к отцу, она обвила руками его шею.

– Не бойся, милый батюшка! – сказала она. – Ты, ясное дело, думаешь, что нашел клад. Но никто больше не придет и не отнимет его у тебя. Скоро месяц зайдет, и тогда трудно будет отыскать дорогу сюда. А я обману людей и уведу в другую сторону. Ты же тем временем лежи здесь, пока солнце не встанет и ты сам не увидишь, что держишь в руках всего лишь камень.

Ни на одну минутку не поверила она в то, что он нашел клад, но все равно хотела помочь отцу. И Никлас почувствовал себя таким счастливым оттого, что она беспокоилась о нем. И слезы выступили у него на глазах, пока он молча лежал на земле, не спуская глаз с Гудрун. А она–то подумала, что отец горюет об умирающей матушке.

– Не печалься о матушке, милый отец, – сказала она. – Я пойду к лавочнику и продам мои длинные волосы, а он даст мне какой–нибудь сытной еды. – И, улыбнувшись ему, Гудрун исчезла в кустах.

И в тот же миг Никлас страшно испугался за нее. Каково там придется ей одной в дремучем лесу? Удастся ли ей уйти от волка, , который караулит в лесной чаще? И в самом деле через несколько минут он услышал вдруг крик. Ему показалось, будто Гудрун кричит:

– Батюшка, помоги!

В отчаянии выпустил он из одной руки мешок, который тут же стал тяжелым как свинец. И тотчас же под землей послышался глухой смех.

"Тролли смеются надо мной, – подумал он. – Может, это вовсе и не Гудрун кричала, а всего лишь сова".

И он опять обеими руками вцепился в мешок. А крики повторялись снова и снова. И он не мог различить, кто это кричит: Гудрун или сова. Он то вскакивал, готовый бросить мешок, то вдвое крепче охватывал его руками. Пот ручьями стекал по его лицу, но он знал, что должен спасти жизнь стольких людей! И еще крепче сжимал в руках мешок.

Под конец он освободил одну руку, а его другая рука сразу ощутила вдвойне тяжесть мешка, собрал с камней мох, заткнул им уши, а затем крепко закрыл глаза. Что бы ни случилось, он не хотел больше ничего видеть и слышать. А этой ночью было что видеть и слышать. И как он ни затыкал уши, невозможно было не услышать такого страшного шума. Казалось, целая кавалькада диких охотников промчалась мимо него. И как Никлас ни жмурил глаза, он видел такие яркие молнии, будто все небо было объято пожаром.

Но он решил: будь что будет. Он не знал, сколько времени пролежал так, держа клад своими онемевшими пальцами, наконец ему показалось сквозь опущенные веки, что уже брезжит рассвет.

И в ту же минуту до него внезапно донеслось его собственное имя. Его выкрикивали вперемежку с отчаяннейшими проклятиями:

– Повесить его, сжечь, посадить на кол! – кричали голоса.

Казалось, сотни ног ринулись прямо к нему.

"Теперь–то уж они меня нашли. Они думают, что это из–за меня жена умерла с голоду, и хотят, чтобы я поплатился за это. Настал мой последний час", подумал Никлас. И когда он почувствовал, что люди совсем рядом, – он открыл глаза.

К нему подходили все парни их округи с дубинками в руках. Вот они уже совсем близко! Вот замахиваются дубинками, чтобы размозжить ему голову, – но ни единого слова не вымолвил Никлас. Он только ждал, не выпуская мешка из рук.

Вдруг косой луч солнца прорезал лес. Он озарил лица парней, озарил он и кожаный мешок. И мешок в руках у Никласа сразу стал таким легким, что Никлас потерял равновесие и упал на спину.

Но все–таки поднялся и изумленно огляделся вокруг. Куда девались все эти парни с угрожающе поднятыми колями? И тени их не мелькнуло перед его глазами.

Неужто он недавно видел все в таком страшном ложном свете?

Но он не стал задаваться вопросом, видел он их всех на самом деле или нет. Кожаный мешок–то уж во всяком случае был у него в руках. Гордый, словно король, взвалил он мешок на спину и зашагал домой. Но когда он отворял двери в горницу, сердце затрепетало у него в груди; он подумал, что увидит жену мертвой в кровати. А Гудрун?.. Может, все уже сидят и оплакивают ее?

Но то, что он увидел, заставило его застыть в изумлении на пороге. Ведь у очага стояла его жена и варила молочный суп к завтраку. За ручной прялкой сидела Гудрун и пряла. А ее длинные волосы сверкали, словно золото, в лучах солнца.

И тогда он понял: все, что он видел в лесу, – только призрачные видения, с помощью которых тролли хотели заставить его выпустить сокровище из рук. Но это им не удалось.

И, бросив свою ношу на пол, он рассказал жене и детям, какое счастье и богатство заключено в этом кожаном мешке.

И они, не переставая удивляться, заплакали от радости.

Внезапно Гудрун заметила, какой необычный вид у отца: его голову словно обсыпало снегом.

– А что, батюшка, разве нынче шел снег? – спросила девочка и потянулась к отцу, словно желая стряхнуть белые снежинки с его волос.

Но это был не снег. Просто волосы Никласа поседел за эту ночь, потому что никому не удастся бесследно победить в битве с троллями.